

Дышать стихами — не иначе —
Сквозь респиратор медных труб,
Под крышей одинокой дачи,
Где в соснах ветер зол и груб.

Шуршать листьями барахолки,
Страниц раздернуть бытие,
Где вровень лошадиной холке
Кишит пегасов воронье.

Распуганы движеньем ночи.
Свет соберет из запчастей
Витиеватый стих досрочно,
На клей посадит блик «ничей».

Волшебный фонарь

Стихи, оказалось, всегда только тень,
Набросок предмета на жизни основу,
Проекция лампы на сумрачный день,
Рентгеновский снимок смертельно больного.

Увертки создателей тщетно понять
Стихи почитающих стадо Панурга.
Погаснет «волшебный фонарь», и, как знать,
Во что обратится мечта демиурга.

И манит шоколада горький запах,
Срезая нетерпенья лепестки.
Прогорклой плесенью на мягких лапах
В мой дом вошло предчувствие тоски,
Оставленной в разбитой кружке свечкой,
Расколотым почтовым сургучом,
В сухих бутонах, обращенной в вечность
Улыбкой легкой: «Ты здесь ни при чем...»

Лес и глушь, а дыхание — инеем.
Грузовик снежным мехом обшит.
Пролетаем — каемкою синее
Над дорогой деревни магнит.

Серый ветер шальным автостопщиком
По обочине пламя пронес,
От бликующих фарами гонщиков
До фланелевой россыпи звезд.

Круг в пятницу пошел искать свое начало,
От яблока луны кусочек отхватил.
Из памяти твоей мгновение сбежало
И распустилось веткой каменных перил.

Под лисьей шапкой всадник, старым малахаем,
На Божий свет хитро сощурил зоркий глаз.
Москву, ордынцы, жадно данью обирая,
Не заглушили колоколен звонкий глас.

Простор веков — замоскворецкие названья.
Их метки в душах, в коренастой кладке стен.
И от себя по капле годы отрывая,
Не растворишься в будущей Москве совсем.

Средневековьем осененный Львов
Свой крест хранит в переплетенье улиц.
Навечно меж вершинами холмов
Их пары рук в объятиях сомкнулись.

Еврейским выговором канет в ночь
Последний звон колоколов собора,
Чтоб страшный сон июня превозмочь
Червленной силой общего отпора.

Колючих улиц манят тупики,
Балконы расцарапают в кровь взгляды.
Жонглеру и поэту лишь с руки
Проникнуть через времени ограды.

Врасплох захвачена, как будто вор,
В карманы пряча ожерельем виды...
«Ты пропустила княжий двор», —
Славянский витязь скажет без обиды.

«Я свой маршрут не знаю наперед...» —
Признаюсь на духу... на грани фола.
Он на мои сомнения потряхнет
Кирпично-красной гривою костела.

Ростов Великий

Брызгами снега город кропило —
В озере Неро солнце купало волосы.
Серое-серое небо было,
А по воде текли золотые полосы,
Словно стежки, — одеяло шило,
Лучи собирая на башни-игольницы.
На плечи храма небо ложилось
И замирало тихо над сердцем звонницы.

Венеция

Смущает искренность отпетой девки —
Гадает на ромашке у летенских врат.
Как в зеркале, при устье Малой Невки
Туманно-зыбкий двойника пестрит наряд...

Ей груз веков, что насморк матадору:
Мгновенье — смерть, экстаз, навечно — в формалин.
Исчезла с пряных карт в обед, а фору
Монетами растратила за час один.

Застиранным бельем в каналах стены,
Года полощут воды мыльным дном гондол.
Как тезка, воплощенная из пены,
Позволит целовать прибою свой подол.

Навстречу смерти, с вызовом, упрямо,
Как гондольер, с шестом, во тьму кричит «Аой»,
В далеких вод двухзоровую раму
Сан-Марко, раздвоясь, укажет путь домой...

Сан-Марко

Позволяю себе плыть по нервам-каналам,
Пусть в разводах вода пишет блик на стене.
До сих пор здесь и тень моих ног не ступала —
Поезд к Пьяцце Сан-Марко причалил во сне.

Равномерная качка слепого состава
Превратилась в знакомую зыбь на воде.
В фиолетовой дымке воздушного сплава,
В отраженьях — Венеция тает на дне.

Полумаскою месяц не спрячет улыбку,
В домино завернулся, спеша на вокзал,
Как турист, в небеса посылая открытку,
Опуская монетку, свечу зажигал.

Сакре-Кер и Монпарнас

Сердце — расколотым сахаром,
В небе дробится дождя молотком.
Ветер, прирученный завтраком,
Гриву холма причесал гребешком
В сложно уложенных улочках.
Словно художник, отбросил вдруг кисть,
Чтоб выдувать через трубочку
Тысячи брызг на муаровый лист.

Если весна наизнанку напялила
В чувствах растрепанных старый салоп,
То означает не тренд, а, как правило,
Жажду обнов для души, но не в лоб
Же кричать человеческим созданиям:
«Смена приборов! Нам время пить чай!»
В парке, смотри, на деревьях признания,
Свежих сердечек резная печать.

Марина

Не тяжело... Судьба... И вновь сначала
Отсчитывала жизни бег вода
Из переполненного в дождь канала.
Как в опустевший сон святого зала
Билеты на органнй стон продать?..

Чей призрак, чей двойник с мечом устало
Отводит листопады от лица,
Чья золотая слава выгорала,
Предсказывая путь чернильным жалом —
Стих, пройденный до стенки от венца...

Он чудеса удил из лужи,
В ней звезды зонтиком взбивая.
Ловец утеранных жемчужин,
Что брызги в горсти собирает.

Раскрывши зонт, пугал прохожих
Кислотным цветом неопрена,
Среди уродцев меднорожих
Он шел с улыбкой Гуинплена.

Сезон для творчества

Всяк варится в своей кастрюльке
Под выхлопы шальных петард.
Кто завывает «Ак-ка-пульке!»,
Кто просто жив и жить не рад.
Разлитым маслом, рельсом, салом,
Что солнце выстишит до дна,

По-крейсерски, «универсалом»,
Пройдет распутицу весна.
В ком пробудит намеки веры —
В пасхальный час причастным будь,
Кому граалевым апрелем,
Как компасом, укажет путь...

Жизнь как ожидание чудес

Следуй за мной, белый кролик,
Ты же не хочешь в страну,
Где не меняются роли,
Если уж выбрал одну?

Контур очерченный шляпы
Вдруг превратится в квадрат.
Как горностаевы лапы,
Царственный карточный крап.

Время для чайного бреда —
Суд для бисквитов и книг.
Журфикс, но к часу обеда
Выбор гостей невелик.

Смелость дробишь циферблатом.
Как там червовый валет?
Бедным ли быть иль богатым,
Ждешь от ромашки ответ?

Червь — через яблоко к сердцу —
Ест с королевской руки:
Смокинг повешен на дверцу..
Кролик, скорее беги...

Шахматных правил изыски
Мир оставляет в войну.
Выход для жизни отыскан:
Если спасать, то одну...

